

В этот момент в не закрытые ещё ворота, отделившись от повозки, тень проскользнул человек. Миколка весь насторожился, тень приближалась к нему изнутри внутренней стены и остановилась недалеко от лаза. Миколка тихо отполз за груды старых пороховых бочек, которые давно собирались увезти, да так и не увезли. Чужак тоже укрылся за бочками недалеко от подростка и стал стаскивать с себя тряпье лишнего, под ним был мундир стрельца. Потом он перобрался к миколкиному лазу. «Знает, ворюга», – с неприязнью подумал подросток. Чужак покопался в котомке, что-то достал... Миколка похолодел. Он понял, что незнакомец добывает огонь.

Между тем старший охранник заканчивал разговор с татаринном:

– Завтра. Ноне опоздал. Не виш, что ль, в какое время прибыл?

– Да мимо ехал, только узнать хотел. Завтра, видно, завтра...

Всё это время говоривший сидел в повозке, лицо его было плохо видно.

Вслед за сверкнувшей молнией раздался гром. Из повозки прозвучал крик, должно быть, приказ встать. Он стал разворачивать лошадей в обратную сторону, к воротам Кремля. Вновь сверкнувшая молния осветила лицо сидевшего. «Идрис!» – узнал Федор и отпрянул от неожиданности. Идрис на мгновение встретился с ним взглядом. Ещё раз что-то прокричал вознице, и лошади под ударами кнута увезли повозку.

Забили первые крупные капли дождя, Федор заскочил в сторожевую будку. Здесь был пушкарь Петрушка Рожков да охранник – стрелец Ивашка Данилов.

В это время от пороховых погребов слышался отчаянный мальчишеский крик. Федор узнал голос сына.

– Миколка! – рванул из будки, за ним стрелец.

События у лаза до этого развивались следующим образом. С первыми каплями дождя тать зашептал. Наконец, запалил паклю, и огонь побежал дорожкой по шнуру к взрывчатке, которую он успел приделать к ржавой решётке в продувном оконце ближайшего порохового погреба. Он уже собирался бежать, как в этот момент Миколка с криком «караул!» бросился из укрытия к верёвке, пытаясь её за топтать ногами, погасить огонь. Немец кинулся на мальчика и ударил его. Миколка от боли закричал. Завязалась неравная борьба. Огонь успел пробежать по большей части ещё сухого шнура. Немец замахнулся и ударил мальчика пистолетом, хотел ещё, но тут с яростью навалился на него Фёдор. Немец с ужасом уставился на запал и завопил, вырываясь: «Сейчас взорвётся! Бежать!» Подоспевший стрелок голой рукой схватил остаток шнура в последний момент и, обжигая руки, загасил. Подбежавший Семён вырвал из рук Федора чуть живого татя. Федор схватил Миколку, у которого из раны на голове струйкой стекала кровь.

– Давай к нам в будку, перевяжем чем, – метнулся на помощь Семен. Дождь уже зарядил как следует. Они донесли Миколку до сторожевой будки. Федор сбегал за Карлом Ивановичем в дом воеводы. Боярин дал свой экипаж, и Федор отвёз сына в гарнизонный лазарет, под присмотр Ивана Игуменце-

ва, известного лекаря Синбирска. Рана, к счастью, оказалась неопасной.

Воевода уже был в Приказной избе, куда, несмотря на поздний час, сзывал всех военных командиров для ответа за недогляд. Туда же привели и пленного татя для допроса...

На следующий день мастеровые вовсю стучали молотками и топорами, заделывая дыры в ограде арсенала, а посадом занимались градодельцы, они восстанавливали кое-где порушенные стены. У ворот Кремля ещё несколько дней самым строгим образом проверялись все прибывающие, а с паперти соборной церкви приказано было гнать всех нищих.

– И в других местах, кроме Кремля, довольно храмов. Пусть туда идут, – так было сказано самим воеводой.

Прошло несколько дней, постепенно всё пошло своим чередом. Но не сонным затишьем. Время было тревожное.

Федор много времени провёл у постели сына. Оно нужно было им обоим. На постоялом дворе они находились вдвоем – Юрка боярин оставил подле себя. Когда Миколке стало получше, он первым делом попросил отца «рассказать про мамку» и всё уверял:

– Я помню её, помню. Ребята соседские меня с собой повели, да бросили, я хныкать начал, боялся, дома ругать будут, без спросу ушёл. А она зовёт меня, бежит ко мне сквозь цветы, они высокие там такие, выше головы моей. Мамка руки свои ко мне тянет и лицом сверху клонится, зело обрадовалась и целовала меня с радостными слезами. Подняла меня на руки ласковые и закружилась со мной по лугу...

Федор слушал, согласно кивал, а про себя думал: «Да, в минуту весёлую была она порывистая, вся отдавалась счастьем. Живого нрава была Катеринушка, волоокая, с бровями соболиными и косой тяжёлой волос тёмных. Понеже не мог трёхгодовалый малец запомнить это. Хотя единому Господу то ведомо, может, и удержался у дитя сей счастливый час». После раздумий обратился к сыну:

– А я вот свою мать совсем не помню, в люльке меня годовалого нашли, её, сказывают, в полон угнали.

– Так и ты без мамки? – посочувствовал Миколка и снова с просьбой. – Расскажи ещё про мою.

Рассказывая, Федор чувствовал, как любовь к Катерине и грусть потери роднит его с сыном. Потом и сам попросил:

– Расскажи о себе.

– Кали старше стал, Софие-апе в дому помогал. А то с Ахмедом к рыбакам убегу, там завсегда дело найдётся, и сам на уду ловил, бабуньку Серафиму кормил, хворая она всё лежала. Вот зимой – худо. Холодно, одёжи хорошей нет.

– Всё куплю, всё справлю, – начал горячо заверять отец, – и сыт будешь. А что к делу привыкал, то молодец. На земле, в лесу, у воды всегда прокормиться можно. Да я тебя и к охоте приучу, как меня когда-то Силантий, Царство ему Небесное. Верный промысел. Подрастёшь – ружьё справлю.

– Ружьё? А у меня есть. От деда Степана осталось. Бабка Серафима его от меня сховала, чтоб не баловал. И сабля казацкая дедова была, да в голод «проели» мы её.

Миколка поправлялся. Теперь сиделкой у него был Юрок. Федора боярин для дел неотложных потребовал.

Однажды Миколка сказал:

– Знаешь, тут есть терем богатея одного. Подле него лев диковинный сидит. Встану – сходим, тебе покажу.

– Заморский, штоль, лев тот?

– Сам увидишь.

Как только Миколке разрешено было вставать, мальчишки отправились смотреть льва. Деревянный лев стоял перед домом вотчинника. Огромный, он время от времени открывал свою механическую пасть с острыми клыками, потом что-то трещало внутри, и раздавался раскатистый рык, при этом лев бил о землю хвостом. Пасть захлопывалась, и зверь замирал на некоторое время.

Юрок остолбенел от неожиданности и страха.

– Он не побежит за нами? – спросил шёпотом брата.

– Не бойсь! Тут его никто не боится. Аки ручной, – уверил Миколка, и в голосе его была гордость за свой град, в котором есть такое диво. Подросток для убедительности даже сплюнул.

– А за это от тятки и по губам схлопотать можно, грех на землю плевать, она кормилица, – предупредил новоявленного брата Юрок.

Но Миколка вошёл в раж. «Вот, смотри!» – и швырнул камень прямо в пасть зверя. Клыки льва не смогли сомкнуться. Внутри него что-то треснуло и оборвалось. Он замер с открытой пастью и слегка повернутой набок головой, глаза его при этом зло скопились прямо на Юрка.

Юрок завопил и прежде чем бывалый Микола успел крикнуть «бежим!», пулей полетел куда глаза глядят. Направить его в укромное место было уже невозможно – время упущено, и скоро здоровенный слуга, приставленный за воротами вотчины для догляда за «игрушкой», вёл обоих, выкручивая им уши. Следом поспешал толстый барчук, со времён ещё ранних детских драк имевший зуб на Миколку и сейчас злорадно предвкушавший предстоящее событие.

Нравы того времени были просты: потерпевшие направлялись за праведным судом не куда-нибудь, а прямо в Приказную избу! Что? По такому малому делу – и в Приказную? Вовсе не диво! Здесь, наряду с политическим вопросом, к примеру сколько посылать войск для усмирения коренных жителей, противившихся крещению, рассматривалась и жалоба какой-то бабы на пьяницу мужа. Но на этот раз явление жалобщиков в Приказную оказалось весьма некстати. Сюда прибыл сам воевода.

Закончив собственный допрос пойманного татя, воевода передал его в руки палача Ивашки Никитина, чтобы выпытал, не утаил ли чего. При этом предупредил: «Смотреть, дабы быть сему татю пока живу для доставки его и пойманного сообщника Идриса в Москву, в Казанский Приказ, для сыска заговора в бывшем ханстве». Распорядившись, воевода направился в зал Приказа, куда уже были вызваны Федор, Степан и командир стрельцов арсенала. Сюда же пожаловал и боярин Лука Евсеич, предупреждённый верным слугой. И, как оказалось, весьма вовремя.

Федор нервничал от предстоящей встречи с воеводой и от того, что велено быть «и геройскому отроку, предотвратившему взрыв в арсенале». Но Миколки, к досаде отца, не было на месте. В постоялом дворе Федор предупредил своих знакомых из общины, чтобы сын, как заявится, непременно и скоро бежал в Приказную: сам воевода его кличет.

Миколки всё не было. Федор то и дело вскакивал с лавки и подходил к окну, снова садился, уставившись на дверь.

Дверь наконец отворилась. Вошел воевода, раскрасневшийся от гнева после допроса. Увидев провинившегося стрельца, он яростно потряс сжатым кулаком у его носа: «Распустились, промотали сыгладатая! Малец, мальчонка заслонил всех нас, чужь живота сам не лишился! А вы служ-и-и-вые, даром государев хлеб едите! Гнать всех метлой, всех!»

Справившись с гневом, воевода обвёл глазами присутствующих:

– А где герой? Отрок где? Я же приказал! Чей сын, какого звания?

– Мой сын, – робко молвил Федор. От волнения перехватило горло, но он взял себя в руки и громко повторил, – мой сын, Миколка.

– Да, его, его сын, слуги моего верного, – поспешно вставил боярин.

В это время за дверью возникла какая-то возня, потом послышался мальчишеский крик: «Отпусти, больно, пошто ухо-то дерёшь?» Дверь распахнулась, и в нее почти влетели упиравшиеся доселе Миколка и Юрок. За ними, пыхтя, ввалились барчук и слуга. Увидев воеводу, толстяк на мгновение оторопел.

– Ваша светлость, дозвоьте слово молвить.

– Говори!

– Вот, двух воров привёл на суд. Льва у дома нашего порушили.

– Кто такие? – повернулся к подросткам князь, подозрительно вглядываясь в бинты, коими всё ещё была перевязана голова Миколки. Юрок при виде грозного взгляда воеводы задрожал и начал потихоньку поскуливать, не обращая внимания на отчаянные знаки отца, велевшего пасть на колени.

Лука Евсеич медленно привстал от изумления, упершись взглядом в Юрка.

– Что порушили? Порушили, – скривился Миколка, передразнивая барчука. – Стоит твой лев целёхонек. Ну закашлялся толику, и всё тут. А ты на моей голове, раненной татем, ухо крутил! – пошёл в атаку на толстяка Миколка, возвысив голос. В своей трудной сиротской жизни он уже приобрёл навык выходить сухим из воды.

– Про какого такого татя сказываешь и какую рану свою? – начал догадываться воевода. – Как звать, чей сын?

– Миколка я, вон его сын, – радостно указал хлопец на наличие отца в своей жизни.

– Да, его, Федора, – ещё раз подтвердил Лука Евсеич. – И второй малец. Оба наши пострелы. Ух, я вам ужо!

– Постой! Постой, друг мой, – обратился воевода к боярину. – Так это наш герой, как я понимаю. И тут отличился! – воевода неожиданно рассмеялся. Все подхватили.

– Так вот он каков! Истинно герой! Молодец! Хвала и честь тебе, сынок! Считаю, всю крепость от

спрыва спас. Награждаю тебя за храбрость боевым оружием, – воевода кивнул казаку своему Ваське Ситяеву, и тот поспешно подошёл с саблей на вытянутых руках. Воевода принял, поцеловал. Все немиленько встали.

– За веру, царя и отечество! – чуть дрогнувшим голосом прочёл воевода гравировку на оружии, вложил саблю в ножны и твёрдым жестом протянул Миколке. – Храни, а когда спонадобится в будущем, отдай ей землю русскую!

Долгоруков оглядел нехитрую одежду героя. Поманил пальцем чиновника, шепнул что-то. Тот исчез и скоро вновь появился из соседней палаты. Воевода взял из его рук кошелёк, протянул подростку.

– Вот тебе ещё из казны. Отдашь отцу. Он для пользы твоей употребит.

Миколка, счастливый, оглянулся на Федора. А барчук толстый в это время, не желая быть забытым, слегка кашлянул, напоминая о себе.

– А-а, ты всё ещё здесь... И с какой такой кляузой на героя нашего стоять смеешь? – рассердился воевода. – Чей сын?

– Милославские мы...

– Милославские, молвишь... – возникла пауза, воевода явно чувствовал себя неловко при упоминании сей знатной фамилии. Тут нашёлся Лука Евсеич: он протянул барчуку свой тугой кошелёк с монетами (для собственного сына старался).

– Возьми на починку своего льва – с избытком будет! – и все разошлись с миром.

На следующий день Федор вместе с сыном решил пойти в Троицкий собор:

– Пойдём, Миколка, закажем и отстоим панихиду по матери твоей Катерине, святая ей память.

Стоя в храме на панихиде, он молился сам, следил, чтобы и сын отдал должное, помолился исправно. Потом Федор мысленно обратился к душе Катерины, попросил прощения за невольное забвенье, обещал вырастить сына достойным человеком.

Возвращался с панихиды с неким облегчением: и долг выполнил, и точку поставил в многочисленных страстях и неправдах – так оценивал себя Федор.

На углу Большой улицы прямо у бочки попили кваса. Квас был отменный, и торговец Васька Винокуров вельми весёлый.

Миколка упросил Федора пойти на Волгу. Пошли гурьбой: Фёдор, Юрок, Миколка и его друг Ахмед. Под горкой зашли с ребятами в харчевню Антипки Рыбина. Федор вкусно покормил детей.

День был жаркий, и на берегу собралось много купальщиков. Федор сам в воду не полез – болело раненое плечо. Он сидел на берегу, смотрел на радость детей и думал: «Вот чада. Они ближе к Богу, чем мы. Как разумны они меж собой! Диво, уже не только польской и шведской семей дети присоединились, но и неметчины малец не вытерпел и к ним же потёк! Веселятся, радуются воде, теплу, солнышку. И все вместе! И согласно, и ладно всё у них получается. Почему же потом, во взрослой жизни, временами зло меж собой творят?»

Душа Федора никак не могла успокоиться после жестокого боя с кочевниками и «воровского» дей-

ства немца-татя, от которого пострадал Миколка. И сколько ещё поколений потомков на многострадальной земле Русской будут задавать себе подобные вопросы. Можно ли мирно сосуществовать разным народом? И как крайне необходимо это, прежде всего, внутри страны!

Размышляя о своём ближайшем будущем, Федор волновался, как Мария примет его сына. Успокаивал себя тем, что она сама выросла фактически сиротой и к судьбе Миколки, схожей со своей, должна иметь сочувствие. И вспомнился ему рассказ Мариюшки о себе...

Был у боярина Луки Евсеича родственник в Воронеже – Афанасий, богатого рода и заядлый охотник. Навестил его как-то Лука и привёз от дядьки своего, тогда ещё молодого кавалериста Силантия, в подарок борзого щенка. При этом передал просьбу супруги своей Регины приглядеть среди крепостных девочку, чтобы хороша собой и искусна на руку (мастерская крепостных кружевниц у Регины была, к которой она относилась пристрастно и сама в сем толк знала).

С этой просьбой Лука Евсеич обратился к родственнику. Афанасий участливо откликнулся:

– Говоришь, чтобы красивая и к рукоделию способная? Найдём. Да я у супруги своей, боярыни Аннушки, повыспрошу. Вон как ты удружил мне подарком своим, да и Аннушку твоя Регина кружевом богато одарила.

– А щенка не я, а Силантий прислал, он охотник в душе.

– Ну, и я хотел бы тебя порадовать. Какая девка по нраву придётся, отдам и казны не возьму.

Так в доме Луки появилась крепостная девочка Машенька. Она долго плакала по ночам по матери. Часто видела один и тот же сон: мать, рыдая, бежала за удаляющимся боярским возом. Постепенно облик матери в памяти стёрся, и Машенька просила Бога, чтобы он всего один только разок, всего разок представил её перед маменькой: посмотреть на неё, прижаться к груди. Так оно и случилось, но уже через много лет.

Боярыня Регина не слишком обижала, хотя и держала девочек в строгости. Они обучались рукоделию, грамоте, счёту и элементарным манерам поведения. Став постарше, они должны были представлять свои изделия на ярмарке в Нижнем, где у Регины был свой павильон.

Девочки, испытавшие в раннем детстве ласку матери, всегда потом на чужой стороне ищут опору в какой-либо женщине, подруге, к кому они могли бы прислониться душой. Таким человеком для Машеньки стала Арина, старая кружевница, обучавшая мастерству. Она разглядела в Маше дарование в этом деле и обратилась к ней всем сердцем.

Машенька росла, постепенно превращаясь в красавицу. В ней было редкое сочетание внешней красоты и обаяния, что делает человека по-настоящему прекрасным. Многие заглядывались на девушку, но она выделила для себя боярского слугу Федора и тайно грезилась о нём. Но случилась беда. Всё чаще стала она замечать пристальные взгляды боярина Луки. От этого ей становилось тревожно и даже страшно. Старшие девочки шёпотом передавали слухи о похождениях боярина и боялись его.

Однажды, когда Маша была в девичьей одна, боярин вошел, схватил её за руки, и притянул в свои объятия. В этот момент в светёлку нежданно зашла боярыня. Она знала о любвеобильности мужа и предчувствовала, где может оказаться «предмет» его нового преклонения, но воспитание и чувство собственного достоинства не позволяли Регине как-то обнаруживать свои сомнения. Сцена в девичьей вызвала в ней прилив гнева. Лука отскочил от Марии, а боярыня выбежала из комнаты.

Через несколько дней, в течение которых Мария не поднимала глаз на свою хозяйку, та вызвала её в свой кабинет и объявила, что Мария переводится на скотный двор, что ей, неблагодарной, нечего делать в барских покоях.

– Я не виновата! Ничего такого не было! – взмолилась девушка.

– Ты о чём? Не понимаю тебя. Ступай во двор!

А ещё через несколько дней Машенька была отправлена в качестве доярки сопровождать гурт породистых коров в Воронеж, всё к тому же родственнику Луки – Афанасию. И никто уже не вспоминал про волшебные руки талантливой кружевницы, изделия которой покупали и иноземные купцы...

На полпути скотники остановились на постоялом дворе на ночёвку, разместив коров здесь же, в загоне. Маша обратила внимание на женщину, которая всё чаще останавливала на ней свой пристальный взгляд. Женщина была из группы крепостных,двигающихся на ярмарку в другую сторону.

В душе девушки возникло какое-то необъяснимое волнение, оно смешалось с переживаниями последнего времени, дальней дорогой и непривычным тяжёлым трудом. Закончив доить, она, было, направилась в жилую избу постоялого двора, но дорогу в сенах перегородила опять эта женщина.

– Тебя Машей зовут?

– Нет, – неожиданно для себя ответила девушка, ей вдруг стало невыносимо всё вокруг. Она прошла к указанной лежанке и не раздеваясь легла, укрывшись с головой одеялом. «Только бы никого не видеть и не слышать». Сон не шел, в голове звенела пустота. «Господи, что это со мной? Господи, прости меня и помилуй!» – долго она читала молитвы, пока не забылась. Очнувшись от прикосновения чьей-то руки.

– Машенька, доченька моя...

Слово «доченька» обожгло. Боялась поверить. Вдруг снова лишь сон? В избе было темно. Она бы-

стро приподнялась и протянула руки навстречу пламенному счастью.

– Мама, ты?! Быть не может...

– Господи! Вольный свет! Вольный свет, – женщина повалилась без чувств.

Когда пришла в себя, дочь, прижавшись к её груди, плакала.

– Господи! Мамочка, неужели это ты? Или опять сон? Не хочу, не хочу! Снова сон! – сквозь слёзы, какая-то волнения, девушка повторяла. – Я приснущусь боюсь. Ты уйдёшь. Не уходи-и-и! Не оставь меня одну. Дай я посмотрю на твоё лицо! Запомнить хочу-у-у!

Машенька сползла с лавки вместе с одеялом, не отпуская мать, потянула её в угол, под образа, там горели лампадки. Они жадно вглядывались друг в друга, потом с плачем снова обнялись.

В избе уже никто не спал. Узнав, в чём дело, люди не ворчали, некоторые встали, дивились случившемуся, вспоминали каждый своё, горькое крепостное житьё.

– Как же ты нашла меня? Ведь я совсем малю была. Столько лет прошло!

– Она меня расспросила, – подал голос Герасим. Он был послан боярином Лукой сопровождать караван в Воронеж. Между ним и матерью Маши состоялся такой разговор:

– Ты приезжал в наши края много лет назад? В Воронеж?

– Да, было дело.

– Менял тогда твой боярин борзого щенка на девочку маленькую?

– Увезли мы с собой девчущку, и сейчас с нами она. Вон в горнице спать улеглась. Да ты поведи спрашиваешь? Уж не... – начал было догадываться мужик. Но баба его перебила:

– Зовут-то как? Как зовут? Маша? – выдохнула она.

– Да, Мария будет, Маша. А ты кто ей будешь?

Мать вскрикнула и с воплем метнулась в горницу.

Дочь с матерью проговорили всю ночь, пытались вместить в эти часы все годы, не прожитые вместе. Маша гладила рано поседевшую голову матери, морщинки на дорогом лице, запоминала родной облик на всю свою жизнь вперёд...

А когда настало время расставаться, и их, в который уже раз обнявшихся, силой развели в разные стороны, Машенька кричала вслед удаляющейся повозке с матерью: «Вспоминай меня, мама! Вспомни-на-ай...»

